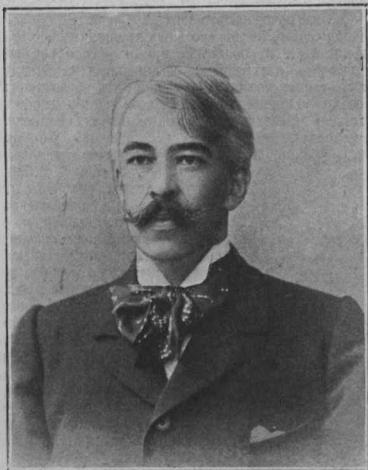

Въ Художественномъ театрѣ все происходитъ иначе: у него есть два замѣчательныхъ руководителя—Вл. И. Немировичъ-Данченко и К. С. Станиславскій. Первый является въ роли руководителя репертуара. Роль эта, въ предпринятомъ имъ дѣлѣ, огромна. Онъ перечитываетъ массу поступающихъ къ нему пьесъ, знакомится съ выдающимися произведеніями европейской литературы, заказываетъ новые переводы пьесъ съ иностранныхъ языковъ, редактируетъ ихъ, словомъ создаетъ репертуаръ новаго театра и даетъ всему художественному дѣлу известный колоритъ и выдержанность. Второй

дарностямъ или ремесленникамъ тутъ рѣшительно нечего дѣлать. Выдающимся талантомъ является прежде всего самъ К. С. Станиславскій съ его сценической наружностью, красивой фигурой, прекраснымъ голосомъ и вдохновенной игрою. Но даже и этотъ талантъ умѣетъ не лѣзть впередъ, не быть «гастро-леромъ» на сценѣ, а подчиниться волѣ автора, играть *въ пьесѣ* съ другими, а не одну только свою роль. А тотъ, кто умѣетъ подчиняться, конечно умѣетъ и подчинять себя другихъ. Въ этомъ его сила и значеніе. И остальные артисты Художественнаго театра не-

К. С. Станиславскій, главный режиссеръ московскаго Художественнаго театра. По фот. «Ючъ» авт. «Нивы».

Вл. И. Немировичъ-Данченко, заведующій репертуаромъ московскаго Художественнаго театра. По фот. Эдобнова авт. «Нивы».

являются выдающимися режиссерами. К. С. Станиславскій умѣетъ проникнуться духомъ исполняемаго произведенія, объединить въ общей работѣ всѣхъ артистовъ. Онъ—властелинъ и диктаторъ, но это не значитъ, что онъ подчиняетъ волю исполнителей своей тиранической волѣ. Онъ становится диктаторомъ только послѣ того, когда пьеса прочтена и детально обсуждена всѣми, кому придется ее играть. Только послѣ того, какъ все приведено къ соглашенію, когда выработался определенный взглядъ на пьесу и ея духъ, онъ становится диктаторомъ сцены. Репетиціи слѣдуютъ за репети-

ціями талантливые люди, такъ какъ, придя изъ нихъ не даетъ въ теченіе всей пьесы ни единого диссонанса, ни единого момента антихудожественнаго впечатлѣнія, фальшивой ноты, фальшиваго звука въ своей игрѣ.

Лучшимъ доказательствомъ всего нами сказаннаго можетъ служить исполненіе на сценѣ Художественнаго театра пьесы А. Чехова «Три сестры».

Пьеса эта, оставаясь реалистическою по своему содержанію, не лишена символизма. Символомъ ея ней является стремленіе

М. О. Андреева.

О. Л. Книпперъ.

М. Г. Савицкая.

«Три сестры» на сценѣ московскаго Художественнаго театра. По фот. авт. «Нивы».

и цислю и ихъ, очень значительно для одной пьесы. Въ время этой тяжелой, популярной публики, работы, мелкія самодѣлы исчезаютъ, отбѣлени волн подчиняются одной волѣ, и всѣ объединены въ одномъ стремленіи, воодушевлены однимъ желаніемъ—дать публикѣ то, чего желалъ авторъ пьесы, сохранить въ себѣ ароматъ, бережно передать ея настроеніе... Совершенно напрасно говорили, что въ труппѣ Художественнаго театра нѣтъ талантовъ. На такую созидательную, творческую художественную работу способны только действительно талантливые люди, и без-

трехъ сестеръ въ Москву. Москва что-то свѣтлое, белое, яркое, далекое и страстно желанное этими забытыми глухой и сѣрой провинціальной жизнью, жалкими существами. Москва—миражъ, маревъ, влекущая путника въ безнадѣжной пустынь, какъ видѣніе лучшей жизни, существующей за ея предѣлами. Можно и должно мечтать объ этомъ миражѣ, даже при видной невозможности осуществитъ его; но душа рвется къ нему, и этотъ порывъ даетъ силу жить и переносить злой и безводность пустыни. Пьеса эта полна настроеній, какъ и большинство пьесъ